

И. Н. Сидоренко

(Минск, Белорусский государственный университет)

ПРОЕКЦИЯ НИЦШЕАНСКОЙ ИДЕИ *RESSENTIMENT* НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Современный мир можно с полным правом назвать миром *resentiment*: несмотря на стремление к гуманизации социальных процессов и попытки осуществления различных проектов построения справедливого общества, *resentiment* остается скрытым основанием существования человека. Даже взятый курс на развитие толерантности подчас оборачивается скрытой завистью и ненавистью не только по отношению к Другому как к иному, но к близкому как к своему, что порождает эскалацию насилия внутри национального сообщества.

Фридрих Ницше использовал понятие *ressentiment* в рамках своей генеалогии и предпочитал употреблять его без перевода, подразумевая под ним особое чувство мстительности, основанное на зависти и злопамятности и сопровождающееся ощущением собственного бессилия и неполноценности. Впоследствии это понятие приобрело большую популярность, тематизировалось и стало использоваться в трудах многих европейских мыслителей, что дает основание говорить о развитии идеи *ressentiment* в пространстве философского знания. Будучи движущей силой в процессе образования и структурирования моральных ценностей и проявляясь через ощущение вины и «нечистой совести», *ressentiment* в философии Ницше определяется как интравертированный инстинкт агрессии и жестокости, как психологическое самоотравление, проявляющееся в ненависти, злобе и зависти, и в определенной степени отождествляется с самим насилием. С нашей точки зрения, идея и понятие *ressentiment* обладают методологическим потенциалом для понимания и объяснения происходящих сегодня процессов противостояния различных социальных групп и эскалации насилия в глобализирующемся мире. Так, в частности, сущность противостояния таких двух групп, как либералы Запада и фундаменталисты Востока, можно с полным правом рассматривать как *ressentiment*. При этом *ressentiment* представителей западной культуры можно раскрыть через связь таких понятий, как «зависть – скудость – меланхолия»; что же касается мусульман-фундаменталистов, здесь дух мщения реализуется в триаде: зависть – прощение (как возмездие) – забвение. Рассмотрим взаимосвязь этих двух триад с ницшеанской идеей *ressentiment*. Начнем с дихотомии западной меланхолии и восточного забвения.

Универсальным основанием метафизики, по мысли Ницше, является *ressentiment*, или «дух мести», который во все времена обосновывал человеческое отношение к тому, что есть, к сущему. Сущность мести – это злопамятство, выступающее в качестве опосредующего звена между «волей» и «временем». Специфика взаимоотношений этих феноменов и определила, с точки зрения немецкого философа, характер мышления всей европейской культуры, т. е. наделение воли атрибутами бытия. Ницше раскрывает такую черту воли, как ее «бессилие» против времени. Таким образом, злопамятство воли направлено на время как таковое, т. е. на самоё преходящее, постоянный уход в прошлое. Наше прошлое случайно, и избавиться от случайности можно только в том случае, если при ее осознании сказать своему прошлому: «я так хотел», тем самым сделав свое прошлое следствием своей воли. В этом случае идею Ницше о Вечном Возвращении можно интерпретировать следующим образом: это не просто возвращение прошлого, дающее длительность сущему, т. е. идентичность, это возвращение нового прошлого, всякий раз пересказываемого нашими собственными словами.

Таким образом, прерывается вереница случайностей, теряет смысл «дух мести», так как время теперь не враг прошлому. Всякий раз наделяемое смыслом, прошлое дарует настоящему не просто идентичность, а осмысленную идентичность. Однако, по словам Ницше, доступно это пока только поэтам, способным пересказать свое прошлое собственными словами и избавиться от необходимости быть только отпечатком кого-то.

Современный Запад и Восток не воспользовались советом Ницше по преодолению «духа мести» и сегодня наглядно демонстрируют мстительность по отношению к памяти и к своему прошлому. Зависть западного человека реализуется в меланхолии как своеобразной форме неспособности наслаждаться тем, что он имеет, – богатством западной культуры. Представитель западного мира теряет причину, которая заставляла его желать. В силу этого он предстает как пресытившийся обладатель сокровища, знающий, что оно имеет цену, но уже забывший, в чем сущность этой ценности. В отличие от него фундаменталист исламского мира, совершая разрушения, ввергает в небытие сущее (человека, произведение искусства и т. д.). Для него забвение – это единственный способ утвердиться в прошлом. Однако его забвение противоречит активной забывчивости, поэтому он не смеет обещать, а значит, не обладает привилегией ответственности. Монументальность прошлого его подавляет, забвение «развязывает» ему руки. Однако несмотря на это настоящее не обретает ценности, оно остается вторичным по отношению к прошлому, которое продолжает диктовать свои «правила игры».

Таким образом, ни через меланхолию, ни через забвение не происходит подлинного возвращения прошлого, в котором утвердилось бы и само человеческое бытие. Наоборот, в современном мире нарушается единство описанных Ницше трех родов истории: монументальной, антикварной и критической. Террористы-фундаменталисты стоят на позиции монументальной истории, что приводит к господству «эффектов в себе», т. е. следствий без достаточных оснований. Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий, что неминуемо ведет к проявлениям фанатизма и войнам. Позиция Запада – это выбор антикварной истории, способной только сохранять, но не порождать жизнь. Так, забвению подвергается критическая история, дающая возможность человеку жить дальше. С точки зрения Ницше, для того чтобы эти три рода истории приносили пользу в жизни человека, каждая из них должна существовать на своей почве. По мысли М. Фуко, Ницше – генеалогист и пародист истории, так как задачу истории немецкий философ видит в том, чтобы срывать покров со всякого рода вечных истин, представлять событие во всей его уникальности и акцентировать не линейное разворачивание событий, а постоянное чередование разрывов и связей в истории.

Следующая пара *ressentiment* – это скупость и прощение через возмездие.

Генеалогическое исследование Ницше показывает, что чувство вины произошло из древнейших отношений между покупателем и продавцом, работодателем и должником. Поэтому необходимо было создать память о долге через боль, страдание – отсюда и обожествление жестокости. «Суверенный индивид», равный лишь самому себе и ставший выше морали рабов, сам формирует свою память. Этот человек в отличие от меланхолика-скупца Запада и монументалиста Востока обладает собственной независимой волей, он смеет обещать. Только такая ответственность ведет человека к осознанию свободы, его власти над собой и над судьбой, и такой доминирующий инстинкт суверенный человек называет своей совестью. Постепенно, с усилением власти общины и увеличением богатства работодателя, справедливость самоупражняется, превращаясь в милость, под ее красивыми одеждами скрывается месть, возрастает чувство обиды, что приводит к возвеличиванию всех реактивных аффектов. Активный человек, таким образом, намного ближе к справедливости, чем реактивный, ему не нужны ложные оценки морали. Поэтому, по мысли Ницше, сильный человек всегда обладал более свободными взглядами и вместе с тем более спокойной совестью. «Нечистая совесть» – это изобретение «человека *ressentiment*». Реактивный человек, исходя из своей перевернутой справедливости, наделяет наказание смыслом и видит в нем выгоду мнимую. Заслуга наказания видится в том, что оно пробуждает в виновном чувство вины, т. е., по определению Ницше, это инструмент душевной реакции, которая и есть «нечистая совесть». Однако, как отмечает философ, наказание, наоборот, закаляет и охлаждает, оно обостряет чувство отчужденности, усиливает сопротивление. В силу этого развитие чувства вины сильнее всего было заторможено именно наказанием. Проанализировав процедуры и смысл наказания, Ницше делает вывод, что в итоге наказанием у человека и зверя можно достичь лишь увеличения страха, изощрения ума, подавления страстей. Теперь все инстинкты, не получающие разрядки вовне, обращаются внутрь, против самого человека: «Вражда, жестокость, радость преследования, нападения, перемены, разрушения – все это повернуто на обладателя самих инстинктов: таково происхождение “нечистой совести”» [1, с. 463]. С изобретением «нечистой совести» началось «величайшее и тревожнейшее заболевание, от которого человечество не оправилось и по сей день, страдание человека человеком, самим собой, как следствие насильственного отпарывания от животного прошлого, как бы некоего прыжка и падения в новую обстановку и условия существования, объявления войны старым инстинктам, на которых зиждились донныне его сила, радость и внушаемый им страх» [1, с. 464]. Такое изменение человека, по мысли Ницше, не было постепенным и естественным, наоборот, оно представляет собой принуж-

дение. Формирование «нечистой совести» философ связывает только с насилием: она «не только началась с акта насилия, но и доводилась до конца путем сплошных насильственных актов» [1, с. 464].

Таким образом, «нечистая совесть» вначале была вытесненным, подавленным инстинктом свободы. Это дало возможность закрепиться «морали рабов», так как только нечистая совесть, только воля к самоистязанию служит предпосылкой для ценностей неэгоистических, таких как самоотречение, самоотверженность и т. д. Из подавления свободы вырастает страх. Вначале это страх перед прародителями рода, потом в усиленной форме – перед Богом. Чувство задолженности Божеству не переставало расти на протяжении всей истории человечества. На этой почве родилась воля к самоистязанию: свершился человек «нечистой совести». Теперь орудием пытки для него становится мысль, что он виноват перед Богом. Чтобы теперь возродить человека, нужно великое здоровье. Ницше ждет прихода человека-искупителя, человека великой любви и презрения. Этот человек будущего (Сверхчеловек) избавит нас от великого отвращения, от воли к Ничто, от нигилизма.

Однако надежда Ницше на оздоровление человека пока не оправдывается. Так, например, позиция скупца, с нашей точки зрения, символизирует позицию Запада. В отличие от субъекта зависти, который завидует тому, что другой обладает объектом, потребитель-скупец обладает объектом, но не может наслаждаться им потому, что, во-первых, рынок и мода диктуют ему приобретать, но не использовать, а во-вторых, он стремится обладать некой неосязаемой сущностью объекта, как, например, статусность вещи и т. п., которая ни при каких условиях не должна быть использована, так как само препятствие, которое мешает потреблению объекта, гарантирует его статус объекта желания. В силу этого потребитель-скупец перестает ощущать чувство удовлетворения и полностью погружается во власть «нечистой совести». Фундаменталист-террорист выступает как антипод скупца: он не хранит то, что имеет (это касается и его памяти, и его собственной жизни). Разрушая ценность того, чем он обладает, и того, чем он обладать не может, он становится подлинным человеком «нечистой совести». И та, и другая позиция представляет собой проявление жестокости: скупец прощает, но ничего не забывает, фундаменталист прощает, омывая все кровью террора, совершая, с его точки зрения, отмщение.

Несмотря на существенную разницу позиций либерала Запада и фундаменталиста Востока у них есть общее – это обращение вовне вместо обращения к самому себе. Такая направленность вовне и есть, по определению Ницше, выражение *ressentiment*: для своего возникновения «мораль рабов» всегда нуждается в противостоящем и внешнем мире, т. е. чтобы действовать, ей нужен внешний раздражитель. Ницше отмечает, что человек ари-

стократической морали («морали господ») полон доверия и открытости по отношению к себе, его счастье заключается в деятельности. Наоборот, счастье бессильного выступает как наркоз, «передышка души», оно пассивно и подпитывается завистью. Современный человек – это «человек *ressentiment*», он лишен всякой открытости, наивности, честности по отношению к самому себе. Если же сильным человеком овладевает *ressentiment*, то он исчерпывается в немедленной реакции, оттого он никого не отравляет. Таким образом, из неумения долгое время всерьез относиться к своим врагам проистекает уважение к ним, т. е., по мысли философа, настоящая «любовь к врагам своим». Творчество «человека *ressentiment*» измышляет себе «злого врага» и, исходя из этого, считает себя «добрым». Первоначальная нацеленность ненависти постепенно размывается неопределенностью самого процесса объективации. *Ressentiment* больше проявляется в той мести, которая меньше нацелена на какой-либо конкретный объект. Таким образом, *ressentiment* формирует чистую идею мести, он лучше всего «произрастает» там, где есть недовольство своим положением в иерархии ценности. Ницше выделяет две формы *ressentiment*: месть, направленная на другого, т. е. другой виноват в том, что я не такой, как он; месть, направленная на самого себя, самоотравление. Если первая форма относится к экстравертной модели *ressentiment* – восстанию «рабов в морали», то вторая относится к интровертной – аскетическому идеалу.

Позиция зависти в триадах *ressentiment* совпадает. Запад и Восток друг для друга конструируют образ «злейшего врага». Вспомним осень 2005 г., когда широкие демонстрации в арабских странах против карикатур на пророка Мухаммада, опубликованных в одной из датских газет – «Jyllands-Posten», едва не переросли в столкновение цивилизаций. Необходимо отметить, что большинство участников этих протестных выступлений против карикатур на пророка посчитали себя оскорбленными, даже не видя их. Мусульманские толпы реагировали не на самоё карикатуру, а на стоящий за нею образ Запада, созданный определенным идеологическим видением, которое искажает западную реальность не меньше, чем западное видение Востока. Фундаменталисты исламского мира «зачарованы» греховной жизнью неверующих. Создается впечатление, что в борьбе с «греховным Другим» Запада они борются со своими собственными соблазнами. *Ressentiment* как дух мести здесь проявляется следующим образом: проблема фундаменталиста не в том, что представитель Запада считает его хуже себя, а скорее в том, что фундаменталист-террорист сам втайне считает себя хуже него. Поэтому снисходительные политкорректные заверения представителей Запада, что они не считают фундаменталистов Востока хуже себя, только вызывают у исламистов еще большую ярость и подпитывают их *ressentiment*.

Ressentiment Запада проявляется в том, что в современном обществе наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности». В итоге это приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Так, под лозунгом «безопасности» оправдывается постоянная военная активность как на собственной территории, так и на территории других государств. Современная война проявляется через два феномена: защита прав человека на зарубежной территории и попытка свести к минимуму глобальный риск терроризма за счет военных средств государств. Таким образом, эта война не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны», которые стали продолжением постнациональной политики военизированного гуманизма, средством камуфлирования незаконной агрессии.

Запад и Восток реализуют и вторую модель *ressentiment*: интровертную, аскетическую. Аскетизм ассоциируется у Ницше с определенной формой слабоумия, успокоением человека в Ничто или в Боге. Однако в силу того, что аскетический идеал всегда так много значил для человека, ибо в нем, по Ницше, выражается основной факт человеческой воли – потребность в цели, человек скорее предпочтет хотеть Ничто, чем вообще ничего не хотеть. Аскетическая жизнь есть, по Ницше, самопротиворечие: здесь царит *ressentiment* «воли к власти», стремящейся господствовать над самой жизнью. Главную роль, «чудовищную историческую миссию» здесь берет на себя аскетический священник, этот спаситель, пастырь и стряпчий больной паствы. Чтобы понимать больных, он и сам должен быть болен. Он защищает свою паству от здоровых, от зависти к этим здоровым. Аскетический священник – это врач, который лечит страждущих, сначала нанося им раны. Ницше называет священника переориентировщиком *ressentiment*. Каждый страждущий инстинктивно ищет причину своих страданий, виновного и хочет разрядиться в аффекте на нем, т. е. принять обезболивающее. Здесь Ницше как раз и находит действительную физиологическую причину *ressentiment*: потребность заглушить боль путем аффекта. Священник соглашается со страждущим в том, что кто-то должен быть виновным, и в то же время указывает, что виновный и есть сам больной. В этом и заключается то, что можно было бы назвать переориентировкой *ressentiment*. Священник борется лишь с самим страданием, а не с его причиной, используя средства аскетизма, до минимума сокращающие «чувство жизни». Так, причину своего страдания больной должен искать в себе, в своей вине, а само свое страдание он должен понимать как наказание.

По мысли Ницше, власть аскетического идеала происходит из того, что человеческое существование на земле было лишено всякой цели. Именно это и означает аскетический идеал – отсутствие цели и смысла существо-

вания. Проклятием здесь было даже не само страдание, а его бессмысленность, которому аскетический идеал придавал некий смысл, единственный до сегодняшнего дня, что все-таки лучше бессмыслицы. Человек предпочитает хотеть Ничто, чем ничего не хотеть. В аскетическом идеале было истолковано страдание, и чудовищный вакуум казался заполненным. Тем не менее такое истолкование вело за собой новое страдание, которое связывалось с виной. Человек был спасен им, приобрел смысл, или, как пишет Ницше, спасена была сама воля. Однако такое спасение оборачивается для человека еще большим страданием и утратой свободы.

Сегодняшний мир все еще болен *ressentiment*, и даже стремление к справедливости оборачивается одной из проекций «духа мести»: справедливость как равенство основывается на зависти к Другому, который имеет то, чего нет у нас, и который наслаждается этим. Таким образом, требование справедливости в итоге является требованием сокращения наслаждения Другого. Неизбежным результатом такого требования-запрета на наслаждение оказывается аскетизм: поскольку невозможно предоставить всем равное наслаждение посредством равного обладания, можно установить общий запрет. Переориентировка *ressentiment* осуществляется сегодня за счет того, что происходит переориентировка самого запрета на общий приказ для всех: наслаждайся. Так, например, контуры «последнего человека» можно разглядеть в виде гедонистического аскетизма яппи или военизированного аскетизма исламских боевиков.

Что же можно противопоставить аскетическому идеалу, зависти и «духу мести»? Начало поражения аскетического идеала и *ressentiment* Ницше видит в искусстве, атеизме и философии, наделенной перспективным познанием. С того момента, когда отрицается вера в Бога аскетического идеала, появляется новая проблема: проблема ценности истины. Под перспективным познанием или зрением Ницше понимает то, что в обсуждении какого-либо предмета слово должно быть предоставлено как можно большему количеству аффектов: чем больше различных глаз, тем полнее наше понятие о предмете. Устранить же вообще аффекты, значит, по мысли философа, «кастрировать интеллект». Ницше видит противоположный идеал в Заратустре и в его учении о Сверхчеловеке. Только тогда, по его мнению, человек сможет сбросить оковы вины, греха и «нечистой совести», а значит, выйти из-под власти аскетического идеала и духа мести. Пока же современный человек остается человеком *ressentiment*, а мир не может быть осуществлен без войны и насилия.

Литература

1. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше; сост. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1998. Т. 2. С. 409–526.